

Валерий Архипов

СТРАСТИ ПО ЭВТЕРПЕ

Вологодская областная
универсальная научная
библиотека им. И.В.Бабушкина

ДАР СОЮЗА
РОССИЙСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ,
ВОЛОГДА

Валерий Архипов

СТРАСТИ ПО ЭВТЕРПЕ
избранные стихи

K1376579

ПОЭМА РАЗНОЦВЕТНЫХ ВОЛОС

БЕЛОЕ

Белая станция в белом сиянии.
Ваше сиятельство, выйди к барьерау.
Белая роза дает подаяние
белому ворону - офицеру.
Бел карусельщик. Плохи его десны.
Пышку изгложет и то поперхнется.
Белые некорабельные сосны!
Солнце вам в белые души плюется.
Пепельный цвет пацана из Дахау.
Девочка, что ж вы так долго любили.
Спелые вишни на ветках усталых.
Спелые вишни упали, разбились.
Ну так пируйте, но знайте хоть меру.
Злые вассалы, шуты, интриганы
Самую лучшую в мире гетеру
бросьте рассерженному хулигану.
Только ни капельки светлой слезинки.
Кровь голубая горит словно всполох.
В лужах зеркальных держись невидимкой.
Белыми нитями падает волос
на канапе тополиного пуха,
рядом гадает, смеется старуха.
Будет ли принц? Не коверный ли рыжий?
Ближе любимая, где же ты, ближе...
Хочется думать о маленьком сыне,
страхи придумывать там, где и нет их.
Так и останутся в днях этих светлых
белые волосы Екатерины.

ЗЕЛЕНОЕ

Ворожит лист десятое число
И где-то филин ухает тревожно.
Трава, в которой умирал Рембо,
как волосы твои неосторожна.
Последний бой за счастье, за успех.
Отдайте струны горестные эти.
Ведь ты среди живущих лучше всех
на самых горьких том и этом свете.
Кто скажет, что держать тебя слабо
на прутике земного бездорожья.
Трава, в которой умирал Рембо,
как волосы твои неосторожна.
Как все- таки мелодия права.
Она тревожит, ранит, глушит, губит.
И тем, кто чувства прячет в рукава
она последний подвиг не отсудит.
Любить и петь, с друзьями пить вино
уже сильней и слаще невозможно.
Трава, в которой умирал Рембо,
как волосы твои неосторожна.

ЖЕЛТОЕ

Помнишь, разбились.Пошли на посадку.
Вокруг НЛО, кэгбисты крутые.
Волос твоих тонких цветочная грядка
рассыпалась зернами золотыми.
Мой мозг фиолетов,читаем газетки.
Сенсации чувственны ежели редки,
а жены уже пацанов не рожают,
летают они в поднебесье, летают.
Помнишь, разбились. Кому здесь не снится?
Людям с большими как фары глазами.
И медсестричка не спит, матерится, и
щет живое над мертвыми нами.
Жду поцелуя, он высох как осень.
Три разноцветных слезинки как чудо.
Мы, неживые, кого еще спросим?
Мы не ушли еще, спим беспробудно.
Спим, догорает веселье шальное.
Возле сортира капелла из зеков.
Вологда - ссылочный ребенок в полвека.
Вологда - долгое поле без боя,
Без интонаций, березок, без песен.
Песни ушли, авиаторов двести
небо застлали своими крестами...
Милая, трудно рождаться, я знаю.
Думаю - воля. Ах нет, недолеты,
злые уроды из памяти встали:
космополиты и космопилоты.
В космосе что-то чудесное с нами.
Помнишь, разбились. Как будто и не жил.
Ты в катапульте творишь выкрутасы.
Помнишь отвисшее знойное небо,
словно фельдъегерша после инфаркта.
Молча вешаешь: докучлив попутчик.
Небо. Ах, это огромное небо!
Молнией свежею как авторучкой

чиркнёт автограф. Любви вам да хлеба!
Падает камнем, а надо бы птицей.
Как же такое могло приключиться?
Падаем вместе в полях под Рязанью.
Волосы, желтые от химикалий
Снимков разбросанных желтая гамма.
Милая! Сколько домов на пригорке.
Милая, кончилась наша программа.
Имя боюсь произнесть ненароком.
Звуки рассыпались в желтеньких лужах.
Рядышком с озолотившимся Блоком
кружимся в экологической стуже.
Други мои на сенсации падки.
Пусть ты сегодня не с нами, а дома.
Волос твоих тонких цветочная грядка
рассыпалась у моего космодрома.
Мы оба поэты и в желтом виденьи
мы все же сближаемся медленно, робко.
Наши сонеты и стихотворенья:
запах антоновки и винтовки.
Мой мозг фиолетов, читаем газетки.
Сенсации чувственны, ежели редки,
а жены уже пацанов не рожают,
летают они в поднебесье, летают.
Помнишь, разбились. Кому здесь не спится?
Людям с большими как фары глазами.
И медсестричка не спит, матерится,
ищет живое над мертвыми нами

ЧЕРНОЕ

Моя любовь как стая волков
грызущих своего собрата,
а впереди немыслимая дата
знакомства жуткого. Мы - дети сентября.
Она бежит через Булонский лес который
не отошел от тягостных пожаров,
а ветра дух - уже немного старый,
он тишину слегка разбередил.
Горит Булонский лес и пляска
огня летит по ветвям обреченным
и живность вся сначала замерла,
потом спасаясь все бросились бежать
ища где тень блаженствует в тиши,
а милая моя не разбирая дороги
все мечется услышав вертолет.
Ах, как устал, приличья соблюдая,
ведь заключить ее в свои объятья
не поздно, право. Треск больших деревьев,
пылающее небо над шатрами
юдского счастья, дальше только море!
Мечта о море. Господи, вода
и блеск волос пречерных и прекрасных
с остатками взмывающего пепла,
похожего так на мышь летучих.
На море штиль. Шарманщик пьет вино
и брызги струй шампанских
нам в лица бьют, смеемся от души.
И ты поешь мне песню
про то как загорелся
Булонский лес. Как черные виденья
монахи разбегались по углам.
Как голубь и голубка
взметнулись ввысь, и как она погасла,
а голубь в исступлены
все повторял: Люблю, люблю! -
склоняясь над телом бедным,
которое покинула душа.

Потом она молчала.
И черный шлейф волос
раскинулся как антрацит в пустыне.
И я сказал: Моя любовь как стая
волков, грызущих своего собрата,
а позади немыслимая дата
знакомства жуткого. Мы - дети сентября,
и года последнего от Рождества Христова;
Она не знала, сон смежил ей очи.
Ей снился лес, который не горел,
который жил и в нем жила любовь

КРАСНОЕ

Красная ночка, а в ней колыбелька.
Ранняя дочка и сад - в нем скамейка.
Скатертью белое небо тревожно падает навзничь
на красные капли из кожи.
Вылезет струйка словес неподвластных.
Красные волосы. Красное в красном.
Кто тут краснеет
от выпитой враз бормотухи?

Были красивые
вы в плиссированных юбках
а стали старухи.

Руки потрескались,
стало их жалко.
Кофтенка уж их не спасает.
Они словно тучи
над Вологдой промерзают.
А ты? Ты с огнем, видно, дружишь. В забвеньи
беснуется лекарь любви окаянный.
Красных губ и волос полубред, полупохоть
и полужеланье греха, и желание манны небесной.
Я на формуле счастья
несусь с разворотом как тот сумасшедший бразилец.
Ты входишь легка, полубред, полупохоть,
и полужеланье греха, словно брошенный в бурю эсминец.
Уходит пока
неулыбчив студент-забияка. Любуются люди тобою.
Ты в красном вине, в молоке,
красноватом от ягод восточных.
Может увеличитель включил.

Ты на снимке при красном таком фонаре.
Время смути. И ты на каком-то глобальном дворе.
Там танцуют под мертвую сушь лилипуты.
Красной девочке места уже не досталось.
В плену рук лакейских, дрожащих
витрина больших самомнений

бумажных и чувственных.
Разом приходит расплата в любви.
Режут скальпелем душу кровавые пальцы,
теплеют, не знают они про тебя, а зачем?
Было озеро непредсказуемо
чудного дня, сорок восемь маевок
и с песнями кладбище
в Солнечном городе, где твои волосы гордые
в красном таком опереньи. Любуюсь.
Беременен лес тишиной в воскресенье.
Гуляю на крохотном острове.
Смерть. Воскрешенье. С тобой.

Будь мою суженой, ворон не заметит,
что мне воин, что палач - детская игра.
Ты была всегда со мной
лучшею на свете,
а теперь меня судьба
гонит со двора.
Захочу чужих обнять
непривычных песен,
из колец твоих льняных тонкая рука,
мир без маленькой Сафо
непригляден, тесен,
я хочу, чтоб свет узнал
как ты мне легка.
Будь мою ты вдовой
слез не проливая,
ярко-красное надень -
это цвет любви.
Между мною и тобой
конница лихая. Спелых яблок коридор.
Дивный сад. Живи.

ДВЕ ПАМЯТИ

Не могу тебя забыть, маленькая тайна,
все я ноги истоптал,
лоб свой искрестил.
Это осень.
Этот сон - лик необычайный.
Эту чувственную жуть
я себе простил.
На коленях я ползу.
Змеи как невесты
Из-за трона моего
долгие шипят.
Если только я солгу
в офицерской песне,
вы забудьте обо мне
десять дней подряд.
А потом средь скал и льдин
в море осиянном
Где там румба
где компас - черт его дери,
закричит монах худой
чистое: «Осанна!»
Вспомни все же обо мне
и поговори.
Каплей маленькая боль,
видишь, сердце плачет.
нет, не льдинка, не слеза,
бежевый рассвет.
Сердце рвется из груди,
ребяченком скачет,
заливает дождь слепой
твой шальной портрет.

Посмотри-ка, у меня
гордости немного,
грянет выстрел из окна,
снайпер или смех.
Дом казенный. Скинь пальто.
Вечная дорога.
Ночь прохладная. Игра.
Бешеный успех.
Что вы, трое из земли
вяжете ножонки,
не иначе силой в ад
тянете с собой.
Пестрый бабий сарафан
голос дальний, звонкий.
Глушь. На станции «Пурга»
небо пьет покой.

Посади мою печаль в ломаные санки,
отвези куда-нибудь, брось на пол-пути.
Закопай, прошу тебя. теплые останки,
вот тогда решусь и я звездный путь пройти.
Без печали как легко, с кем ни целоваться,
все равно уж, господа, дело ведь к весне.
Обниматься, токовать, в травах кувыркаться
и с повинною, как псу, приходить к жене.
Ах, жена моя, жена, боль моя и слава.
Ты послушай, что пою, Бог тебя хранит.
На меня уже давно началась облава.
Партбилет моей любви пулею пробит.

* * *

ИГРАЙ, ЛЕЛЬ

Я не низок, не горбат, рваная ливрея,
я тобою лишь богат, звездочка Руси.
Я тебя искал всю жизнь, вот и не жалею,
и теперь за мной хула черная ползи.
Вот волшебный перстенек весь из букв и точек.
ам слова как на подбор, все на букву «Л»: ...
люба, любушка, любовь, ласточка, листочек.
Лада, ленточка, лица ласковость и Лель.
Лель под деревцем лесным, Лель ты мой нарядный,
ты не низок не высок, ладен и любим.
За спиной, смотри-ка, лес, елями громадный
Лель, веселый Лель, играй,
просим и простим.

Любимая, мы же ведь скальды с тобой.
Горячие руки, ребячни забавы. Ты рядом,
ты в поезде долгом, где слава.
Любимая, мы же ведь скальды с тобой.
В нелюбственном, диком, наверно, краю
учителка учит «добрью» и «глаголю».
Четырнадцать девушек с веероголым
восторгом хрустально рифмуют «Люблю».
Ты словно мираж.
На заплеванный пол
ступает нога твоя бережно, скользко.
В задымленной комнате,
словно бы в Ольстер, пришла ты с мороза
за письменный стол.
Прошу, напиши, близок воздух лесной.
Жду строчку, как будто старушка просвирку,
на фоне окна,
шторы отданы в стирку.
Храни тебя, Боже, в погоде любой.
А надо бежать: малый сон мой с грозой.
Листочки летящие - тонкие струны.
Что, иноходь невероятней аллюра?

Любимая, мы же ведь скальды с тобой.

Я Санта-Клаус! Тихо скрипнет дверь И ты войдешь.
Нет, этого не будет! Ты просто не приедешь, не придешь, не
позвонишь,
ну, а потом забудешь. Я Дед Мороз! И вновь я не богат.
На Рождество меня и не позвали. И ты сидишь, и потихоньку
пьешь
шампанское с моими нестихами.
Я в полуумраке эти нестихи
кропал в листах, по ним нога ступала
И след рельефом говорил мне: «Ты
забудешь все и все начнешь сначала.»
А это значит: Господи! Москва! Чужие стены и чужие руки
а сердце не желает знать конца,
не хочет слов и песен о разлуке. Любимая, ну все таки пропой.
Поешь, дитя, а память как из стали. Девичий бред и злые
голоса
и струн твоих немыслимый гербарий! Листочек клена, в нем
твои черты
запечатлел безумный рисовальщик, а написал об этом я,
прости,
по возрасту - стариk, душою - мальчик.

Разбили стекла в наших витражах.
Кричат: - Обуйся! Дураков порежем! -
и мы с тобою на большом манеже,
где звери-птицы дохлые воят.
А мы опять витаем в миражах,
свою заботу, словно дочку, нежим,
а кажется, что красными распят
поэт вселенский, будто овощ свежий.
Ревную. Но по имени тебя
не назову - боюсь, услышат дети,
а как ты изощренно хороша
в халатике безумном на рассвете.
Как ты волшебна! Как вторгаясь в сны
приобретаешь крутизну луны,
выкрикиваешь догмы в женсовете.
Как чудодействует твоя простая речь
взять звуки неугодные и бросить
в подвал промерзлый. Там пребудет осеня.
Ты в осени единственной была,
а я тебя тихонечко спасу -
родившуюся вовсе не для денег,
воспрянувшую между двух Америк.
В ладошках огонечком пронесу
на мой любовью освещенный берег

Мне тебя не выдумать-
ты сама как песня.
Проладет и вновь придет,
словно сон зимой.
Золотая наша жизнь:
пей, рыдай, да смейся,
плач отловленный тобой
нас ведет домой.
Мы не режем себе вен,
нервы как канаты,
балдахины под луной-
нам ведь в них не спать.
Строчки нам поводыри,
рифмы нам солдаты,
а сонетов блудный гам -
нам в степи кровать,
вещевой мешок идей,
только не для денег,
мелкой речки по пути
нам не пересечь.
Остров маленький любви
каждой утке верен.
Берег брошенной любви -
шарик редких встреч.
Мы на берегу с тобой
костерок заладим,
пусть пребудет вечный спор -
здесь матриархат.
Только ты представь меня,
возвеличья ради
на всю жизнь оставаться псом
у любезных врат

ВАЛЬС ШОПЕНА

След от копыта молодой коровы,
которую живьем свели в колхоз.
В нем молоко.
И также я
кричу порой во сне: -
Живьем не дамся!
Сзды только мины,
чтоб истребить таких, как я,
бесславных.
И бабы у калитки сквозь ладошки
стоят и смотрят -
вот опять ведут.
Назад нельзя - там мины!
Впереди овраг глубокий
со стеклами, крапивой и камнями.
Там жернова расколоты на части,
туда помчался Витька, отупев
от голодухи,
от естествознанья.
Он наступил на брошенные вилы
и ногу проколол
и также воет,
Как СТО ЯГНЯТ
в овчарне перед бурей.
Кончив плакать,
в рубашке грязной,
вши стряхнувши с тела,
он после тишины заголосил: -
Живьем не дамся! После Мандельштам
на том уж свете молча встрепенулся,
слизнув печаль с рассыпавшихся губ.
А ты, моя хорошая, привстань
с колен, покрытых глупой паутиной
наверченных страстей.
Но где же правда?
Когда играют вальсы,

наши вальсы?
Закрой же глазки, видишь этот зал.
Гусары.
Жбан рассыпавшихся листьев
... я так тебя... но в морду бьет
конвой
одетый в робы. С бантиком на шее
бежит палач, когда-то вместе в школе
учились мы. Писали:
Ма-ма,
Ка-тя,
любовь.
Играли вальс Шопена,
Он, помню, ту дикарку пригласил.
Какое счастье,
друг не промахнется,
ведь он моих стихов не прочитал.
Но был же вальс Шопена, потом затишье,
«Битлз»,
чужие руки, зашелся Леннон,
забабахал Стар.
А мне казалось плачущую ноткой,
как будто рядом
вспыхнув
на палас вошла любовь.
Шопен. Любовь. Откройте шлюзы,
пусть он захлебнется
мою кровью. Тощие поля,
коровы, бабы - все на миг счастливей
вдруг станут. Витьяка погибал
от самоедства. Руки разомкнулись,
и ты вошла,
проснулась. Федерико
Гарсия Лорка
плакал над землею.

Он все ж свою Испанию любил.
А нам бы полюбить свои березы
и втиснуть в ночь
такую же, как день,

ненастную, а может выйдет что-то
похожее на прозу поновей.
Теперь уже нам нечего бояться.
Пусть на бульваре дерзкие паяцы
хочочут вслед тебе, а может мне.

Два тополя,
две жизни,
две судьбы.
Ты милая, и я опять с тобою!
Ты, милая, прости за поцелуй.
Мой друг ушел,
стрельнув для вида в тучу.
Ты, милая, прости, несчастный случай
нам встречу подарил, не уходи.

Оставь разговоры, остался последний патрон.
Пустырь бесноватый - он, кажется, сводит с ума.
Там нету цветов, только холод подвальный и тьма,
но яркая женщина очень похожа на сон.
О, милая женщина, что там у вас впереди?
Харчей маловато и высох последний ручей,
а там - на закате - мы будем с тобою одни.
Лиловая лебедь, лиловую землю лелей.
О, милая женщина, где ваш неписаный рай?
Спешите покаяться, кончен земной разговор.
А совесть моя - ты живи еще, не умирай.
Пусть бьет меня в ребра - как "скорая помощь" - укор.
И нет ни души, что-то снилось, а что-то ушло.
Восход, надвигайся на плечи мои и согрей.
И так мне печально, торжественно, тихо, светло...
Лиловая лебедь, лиловую землю лелей.

* * *

Не отворяйте двери никому
Гроза застала - не жалей бегущих.
Ты знаешь, я, наверное, умру
среди стихов безжалостных и жгущих.
И вот уже охотится элодей. Он в том углу,
за ширмой иль за печкой.
Он террорист, убивший сто царей,
крадется змием к твоему сердечку.
Ты почему его не прогнала? Смотри - нога!
Копыто или клещи?
И сон мне был, и сон, наверно, веший...
И разве ты еще не умерла?
Вон твой портрет - весь из кровавых трещин.
А я любил, любил одну тебя
и ненавидел всяких прочих женщин.
Ну, пожалей, ну, похвали меня,
пади к ногам, надеюсь я на чудо,
а ты меня ни капли не любя, сказала:
«Брось, ведь у тебя простуда».

Но как еще не лопнул шар земной? Собаки злы?!

Так бросьте же им кости.

Я ночь тоскую с женщиной одной

и вы ко мне не приходите в гости...

На Пречистенке дождь.

На Пречистенке поздней любовь.

Упадет осторожно комета безумья.

Запах свежеокрашенных липовых рощ,
осторожные краски заката как кровь
и святые заботы отцов в полнолунье.

На Пречистенке март.

На Пречистенке долгой печаль.

И ничто не приходит тепло и внезапно.

Больше нету в колоде некрапленых карт,
и ни капли своих уже больше не жаль,
и желания нету идти по этапу.

И желанья творить меньше, чем умереть,
но взбираться на стул уж пропала охота,
если рядом стоит удивленная кто-то,
и за коркою хлебной приходит старик.

Он спасает тебя в этот солнечный миг,
Потому-то тебе умирать неохота,
а все больше, все больше желанья
творить, уставать, и желать, и кого-то любить,
уставать и желать, чтоб возвысился кто-то.

ДРУГАЯ НЕЖНОСТЬ

Я ранен в горло чуткою судьбой.

Как будто бы на праздничном на танке
пляшу под суматошную тальянку
и струйки боли черпаю сумой.

Уйду за непривычную ограду
любви и скуки, муки и стыда,
И если есть какая-то вина,

то мне ее не искупить до ада,
а там хлеб горек и стена черна,
И скрип ужасный у больничных коек,
и карлик, весь в зеленой рвоте воет
и ползает по струнам бытия,
где лес казенno вырублен до пня,
где яд летит стрелою в короля
и молча бьет по хрупкой королеве,
и тронный зал, где вся моя родня
вдруг захлебнется в беспричинном гневе.

РЕБЕНОК, ПРИШЕДШИЙ В ДОЖДЬ

На черном бархате - коричневая шаль.
Зеленый плед окутывает ноги.
Вокруг стоит изменчивый хрусталь.
вокруг следы запутанной дороги.
Ах, это просто жуткий лабиринт.
Слепые пни, и пьяная охота,
и катится невыплаканный бинт
моей дороги, моего болота.
А где-то бьется одиноко сын...
Кидай каменья, тьму разбей седую.
Ты у меня сегодня господин,
я сон твой незаметный зарисую.
И средь набросков, вылетевших рам,
среди хламья, иконной коловерти
придут плясать - на счастье ли? на срам?
мои друзья - непуганные черти.
На черном бархате кричаще бьется нить
не белая, но все-таки живая,
но красной краской хлещут мысли мстить,
а вот кому - я сам не понимаю.
А что мой мозг устал вгрызаться в суть
чужих страстей, расплывчатый осколок...
Зеленый плед и крохотный твой путь,
подранок мой, пришедший в дождь ребенок...

АПРЕЛЬСКИЙ ДНЕВНИК

4 апреля 1995

Разбилась чашка, из которой пью.
Теперь без дна лежит на покрывале.
Я виноват, что до сих пор живу
и не уехал в бездну на трамвае.
Что слишком долго жизнь моя летит
то вверх, то вниз - как нестеровы петли,
а сердце изумленное болит
и зверем бьется о решетку клетки.
Бегу по коридору, жар храня,
опять ее люблю и ненавижу,
но хлещет дождь, любимая моя,
по сказочно красивому Парижу.

*

5 апреля 1995

Читаю сны, которых больше нет.
Ты слушаешь, глаза твои - зигзаги,
и снова расколдовывая, свет
скользит по догорающей бумаге.
Читаю свет, но ты его лови,
прислушайся, опять слова ликуют,
но только пальцем чутким не зови
сквозь память в пыль летящим поцелуем.

*

6 апреля 1995

Московская метель воспоминаний
о доме, о зияющем овраге,
о тесноте недремлющих дворов,
растерянных старушек в подвенечных
нарядах, что им с войн достались вечных.
А где же ты? Ты рядом? Нет тебя...
Был день московский, Долгий как змея.

*

Мой веселый жгучий деспот, на губах твоих помада
из баканов и орехов, из ванильных шоколадок.
Чудеса твои явились мне из Эдемского сада,
у тебя ремень на брючках из удавов и удавок.
У тебя такие пальцы, там весь мир изобличенный,

там такая бездна счастья, там такая чаша горя!
Там такие злые лица на груди твоей горячей,
там ефрейтор обалделый как секс-бомба горько плачет.
У тебя глаза такие, что закрыть их поцелуем,
чтоб другие не любили и как сон не обманули.
Чтоб туда навеки прыгнуть с парашютом безобманным,
чтобы он, подлец, раскрылся перед апельсинной дамбой.
Чтобы счастье горлом пело колыбельную такую,
где тебя я понимаю и, как водится, ревную.
Из ванильных шоколадок, из бананов и орехов
на губах твоих помада так и корчится от смеха,
мой веселый жгучий деспот...

Коррида осенью была.
Коррида женщины и ведьмы
опять в распахнутом пальто
шагнула молча за балкон.
Коррида осенью была,
но очень важен миг последний,
когда ресниц осенний вальс
играет в шуме городском.
О, бездна глаз, о, маленькое чудо,
о, струнный час твоих словес
глагольных без
мыслей о бессмысленности блуда.
Мне в первый раз, мне в кои веки больно!
Замалчивай седое время, сказку
о потрясеньях старого дитяти,
зарезавшего пращура на Пасху,
чтоб получить любимую в объятья.
О, дивная усталость сновидений,
корона лет, растряченных впустую.
Вот юная, вот радость песнопений
сомнительных, летящих вхолостую.
Вот выстрел, все пропало подчистую.
С малиной чай. Люблю тебя, ревную.
Роскошный бант, скрипач, горит именье!

ТЕЛЕФОН

Границы открыты - входи в них и царствуй,
а рядом голодные дети постниколаевской власти.
Жалеть их нет смысла, своих пожалейте,
потомкам оставьте.

На флаге простиранном все ж комья грязи.
Чеканно выходят гвардейцы вселенной.

Вселенная - это квартира,
где сам по себе я художник.

Так хочется света и мрака,
любовной затеи без финишной ленты.

Бежит, черным телом сверкая,
“газель” из Ямайки.

Смиряюсь с разбитой аптечкой,
там нет люминала,
там нет криминала, поверьте.

Никто не писал мне проклятий,
никто не страшал телефоном,
а я телефоном тем болен,
тем более он

засекречен в разведке моих экспедиций
блужданных.

Блуждаю, но чувствую - пальцем дрожащим
ты номер с трудом набираешь;
банальная двойка,
потом пара цифр: убирают Никиту,
последние цифры - конец перестройке.

А мне этот голос как воздух,
пощечина доктору из Бухенвальда,
как реквием римскому папе,
умершему в муках.

Глаза закрываю, а нитка доверья уж рвется,
и пуговиц ряд обретает бессмертье,
с балкона срываюсь.

Неужто еще ты меня не забыла,
ведь это для тех, очень скромных объятий
погибель.

Чуток поцелуев на Пасху, на солнечный берег.

Простишь?

- Ты что говоришь мне?! Еще полминуты
Сестричка на проводе нам разрешает.

Бог знает, чем кончимся!

Падает наше давленье,
у каждого есть по подлодке,
пока не всплыvаем!

Но только скажи, все равно ведь не вижу,
но голос чуть дрогнет и я зарыдаю.

Но только скажи, ну, не можешь?
Стихами пронзи мое небо,
я там отдыхаю.

Поместье в барокко
и озеро не замерзает mestами.

Открой свои двери, я сам догадаюсь,
когда уходить без надежды вернуться.

Открой хоть на миг свой бокал,
не держи на нем руку.

Взорвемся от скучи несказанных слов,
от бессиля себя изменить.

Теплоты нашей горесть проходит.
Останутся будни. Боюсь оставаться.

Я знаю, ТыI снова оденешься в кожу из листьев.
да, я не такой - это я притворяюсь. Мне страшно.
Будильник разгромлен лопатой презренья.

Спешить не приходится,
трубы свиданий играют молчанье,
что в нашей сознанье.

Молчанье по Ингмару Бергману зrim неохотно.
Куда уж доступней брести по болоту, опять партизанам,
а ночь гуттаперчевой девочкой тянется к югу.

Ты все мне сказала вселенским молчаньем.

Кричу я: дай руку!

Сорвешься с трапеции хрупкой под куполом цирка!

- Дурак, - говоришь мне, - я номер забыла,
пока что искала сигнал в Тель-Авиве,
заявка на дружбу.

- С каким там евреем назначена встреча?

- Кричи осторожней.

Разведка работает денно и нощно!

- Белье постирает старуха Гингема.
На чистое лягу.
- Я рада, что ты не выходишь из душа.
- Под душем тебя вспоминаю, рифмуется слово.
Прости, если можешь.
- Прощаю, бездельник!
Как грозная мама в чеченском конфликте,
где волосы гаснут из черных в седые.
Давай помолчим, сlyшишь, сердце гутарит,
со мною бомжует, боится расстаться
Вот рядом. Лишь трубка крученая
петлей на миг разделяет.
Я слушаю, сердце твое бьется ровно,
мое же рывками.
Я знаю, тебя этот стук раздражает.
Дыханье сомну, сердце петь перестанет.
Спокойнее, милая, больше уже не тревожься.
Светает. Иди отдохай.
Усни хоть под утро, Ты ведь за день устала.
усни хоть под утро.
Спокойной вам ночи, земляне. Прощайте.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Поэма разноцветных волос.....	2
Белое	2
Зеленое	3
Желтое	4
Черное	6
Красное	8
 Будь мою суженой	10
Две памяти	11
Посмотри-ка, уменя гордости немного.....	12
Посади мою печаль в ломаные саяки	12
Играй, Лель	13
Мы - сжальды	14
Савта-Клаус умер.....	15
Разбили стекла в наших вкトラжах	16
Мне тебя не выдумать	17
Вальс Шопена	18
Оставь разговоры	21
Не отворяйте двери никому.....	21
На Пречистекке	22
Другая нежность.....	22
Ребенок, пркщедшй в дождь	23
Алрельский дневник	24
Мой веселый жгучий деспот	24
Коррида осенью	25
Телефон	26

**Валерий Дмитриевич АРХИПОВ.
Страсти по Эвтерпе: [стихотворения]. 32 стр.
Вологда. ВОСРП - «Свеча». 2007. По изданию 1997г.
Тираж свободный.**